

О ЗНАЧЕНИИ ТОЧНОГО ПРОЧТЕНИЯ ИСТОЧНИКА¹

Полемика в научной литературе хороша тем, что часто затрагивает нечто более глубокое чем то, что являлось непосредственным предметом дискуссии. Так вышло и на сей раз.

Опровергая основные положения моей статьи, О. М. Рапов ставит вопрос о принципах отношения к средневековому источнику. «Н. М. Богданова, — пишет он, — в своей статье придает исключительное, первостепенное значение исследованию грамматических построений Льва Диякона и делает ставку на „сверхточное“, буквальное прочтение источника. Это привело к тому, что ее перевод оказался двусмысленным, темным, не понятным читателю. Думается, что такой подход к средневековому источнику вообще не может быть применим. Он имел бы ценность при условии: переводчику было бы заведомо известно, что в данном произведении совершенно отсутствуют грамматические ошибки. Но практика показывает, что обычно в средневековых текстах встречается великое множество описок, неточностей, пропусков слов. Какие же есть доказательства, что Лев Диякон, а также переписчики его труда, работавшие в XII в., были свободны от ошибок?».

Без ответа на эти слова О. М. Рапова, выражающие суть его замечаний, нельзя приступить и к рассмотрению других положений его статьи. А ответ, на мой взгляд, должен быть однозначным: *да, только «сверхточное»,* буквальное отношение к грамматическому строю древнего текста, исключительное внимание к слову, термину, к грамматическим формам (особенно при изучении хронологии событий!) — так *обязан* относиться любой исследователь к прочтению источника. И даже если текст «оказывается двусмысленным, темным, непонятным читателю», это не означает, что следует отказаться от точного перевода и искать тот, который «в большей степени соответствует исторической действительности». А что это за «историческая действительность», которой может не соответствовать «сверхточное», буквальное с грамматической точки зрения прочтение источника? Исходя из слов О. М. Рапова, она «конструируется», согласно его изначальной «концепции», ценой замены грамматически правильного перевода на текст, имеющий совершенно противоположное значение, ценой признания, что ряд сведений, подтверждающих эту «концепцию», «по тем или иным причинам выпали из дошедшего до нас текста „Истории“», и т. п. Справедливы слова моего оппонента, что мы часто пользуемся «не оригиналом» средневековых текстов и даже, следует добавить, не рукописями, а изданиями, порою вынуждены использовать переводы, особенно восточных авторов. Но, несмотря и на возможные ошибки самого автора, переписчика, издателя, историк имеет право лишь толковать находящийся в его распоряжении текст, а в отношении перевода — использовать наиболее близкий к тексту, «сверхточный», буквальный, даже если он кажется ему «двусмысленным»: задача его — понять эту «двусмысленность», исходя из мировоззрения средневекового автора. Если же ставится вопрос об ошибках и неточностях, то, во-первых, их наличие необходимо доказать, и, во-вторых, такой источник не может уже заслуживать доверия, во всяком случае для определения хронологии событий.

Категоричность оценок О. М. Рапова, пользующегося, как следует из его слов, переводами, вряд ли оправданна. Так, например, он пишет о моем переводе: «Однако, когда произошел этот „свершившийся за-

¹ Статья Н. М. Богдановой является ответом на публикацию О. М. Рапова в этом же томе «Византийского временника» «Еще раз о датировке взятия Корсуня князем Владимиром». Таким образом, редколлегия ежегодника продолжает дискуссию о времени похода Владимира на Корсунь, начатую статьей Н. М. Богдановой «О времени взятия Херсона князем Владимиром» (ВВ. 1986. 47. С. 39—46).

хват“? До или после появления кометы и „огненных столбов“? На данный вопрос с помощью перевода Н. М. Богдановой ответить невозможно. Между тем исследовательница категорически настаивает на первом из двух возможных толкований. Она пишет: «Если основываться на предложенном нами варианте перевода отрывка из „Истории“ Льва Диакона, то следует признать, что „огненные столбы“ показались уже после захвата Херсона русскими, но еще до того, как взойшла комета 989 г.» Такое мнение соответствовало бы действительности, если бы Н. М. Богданова в своем переводе перед словами „свершившийся захват“ подставила слово «уже». Но она этого не сделала потому, что слова «уже» или его синонима в тексте хроники нет. Однако без него заявление оказывается произвольным». (Кстати, будучи придирчивым к современной русской грамматике, оппонент отказывается применять такие же строгие нормы к средневековому тексту.) Подробное объяснение употребления данного причастия О. М. Рапов может найти на с. 45 рецензируемой им статьи. Там, в частности, говорится, что это причастие аориста 2 от глагола *σφραϊνω* (свершившийся) обозначает действие, *предшествующее* действию, выраженному глаголом в личной форме, и в греческом тексте (в отличие, быть может, от русского) «слово „уже“ совершенно излишне. Так как мы «буквально» передавали текст на русский язык и *сопровождали* его детальным грамматическим объяснением, то замечание О. М. Рапова можно рассматривать лишь как пожелание к литературному переводу «Истории», где в принятой форме (скобках) может быть поставлено «слово „уже“», чтобы не перегружать читателя грамматическим комментарием.

Что же касается сожалений О. М. Рапова по поводу отсутствия обоснований в моей статье переноса правил классического древнегреческого языка на средневековые тексты и его вопроса о том, «действовали ли они в X—XII вв.», то это тема специального филологического изыскания, которое совершенно излишне в рассматриваемой О. М. Раповым статье. Я и теперь не считаю себя вправе рассуждать на эту тему, следуя знаменитому наставлению не делать в определенных случаях суждений «о языке ирокезском», ибо хорошо известно, что из этого получается. Моего оппонента же смею уверить, что форма причастия аориста в X—XII вв. не стала обозначать совершенно противоположное тому, что она обозначала в классическом древнегреческом языке, нормами которого (при случайно закраившейся ошибке) руководствовались и те исследователи, перевод которых, по мнению О. М. Рапова, «в большей степени соответствует исторической действительности».

Таким образом, все замечания О. М. Рапова относительно неправомерности использования буквального с грамматической точки зрения перевода считаю необоснованными и сожалею о вынудившей меня необходимости столь пространно остановиться на этом вопросе.

Теперь о толковании самого текста. Усилия О. М. Рапова сводятся к тому, чтобы доказать, что в начале 10-й главы книги X «Истории» Льва Диакона, где упоминаются 3 небесных явления (комета 975 г., полярное сияние и комета 989 г.), речь идет фактически о двух последних. Основываясь при этом на грамматически неправильном переводе (о некорректности использования которого уже говорилось), он пытается обосновать положение о том, что Херсон был взят князем Владимиром после явления кометы 989 г. Для этого О. М. Рапов опровергает выдвинутые мною аргументы: 1. Замеченную особенность в употреблении Львом Диаконом грамматических форм: в начале главы (где упоминается первая комета и «огненные столбы») — причастий аориста (за исключением одного случая), а затем — в рассказе о комете 989 г. — причастий настоящего времени. Такое употребление грамматических форм позволило мне предположить, что автор «Истории» описал разновременные события². Но О. М. Рапов подчеркивает, что «подмеченное

² Богданова Н. М. О времени взятия Херсона князем Владимиром // ВВ. 1986. Т. 47. С. 44—45. (Далее: Богданова Н. М. О времени. . .)

Н. М. Богдановой исключение, имеющееся в первой части рассказа Льва Диакона, практически не позволяет установить какую-либо закономерность в данном грамматическом построении и полностью обесценивает гипотезу исследовательницы). Однако я не могу согласиться с мнением оппонента. В предложении: «И на другие бедствия указывал восход явившейся звезды и показавшиеся вновь на северной стороне огненные столбы, напугавшие видящих их»³, «исключение» представляет собой причастие настоящего времени — *ὄρωτας* (видящих), которое «означает вообще *одновременность* (в какое бы ни было время: настоящее ли, или прошедшее, или будущее) своего действия или состояния с действием или состоянием главного (личной формы) глагола. Поэтому вполне соответствует русскому деепричастию или причастию настоящего и прошедшего времени несовершенного (продолженного) вида» в отличие от причастия аориста, означающего совершенный вид и предшествование своего действия действию, выраженному глаголом личной формы⁴. Таким образом, причастие настоящего времени, употребленное в начале главы, как и аналогичные причастия в рассказе о комете 989 г., обозначают одновременность с действиями, выраженными *соответствующими* им глагольными формами. Следовательно, «исключение» не является какой-либо из «ошибок», которыми, по замечанию О. М. Рапова, изобилуют средневековые тексты; оно вполне согласуется с правилами грамматики греческого языка, и его употребление не противоречит сделанному мною выводу. Но для того, чтобы пренебрегать грамматическими формами изучаемого отрывка «Истории», *необходимо доказать* наличие в нем несоответствий правилам грамматики греческого языка, а не просто голословно причислять его к тем средневековым текстам, где «встречается великое множество описок, неточностей, пропусков слов». В рассматриваемом же тексте ничто не указывает на присутствие грамматических ошибок. *А в этом случае* мы обязаны с особым вниманием относиться к употреблению *разных* грамматических форм в *одном* контексте: живые грамотные носители языка прекрасно знали, что обозначают эти формы, употребляли их сознательно и вкладывали в них определенный смысл.

2. Следующий приведенный в моей статье аргумент, указывающий на то, что в начале 10-й главы говорится о комете 975 г., — это наблюдение об употреблении наречия «вновь, опять». Оно здесь поставлено автором, так как «огненные столбы» — дуги полярного сияния (о которых Лев Диакон говорит впервые) — появились и вновь на северной стороне неба, как и комета 975 г., которая совершила свой восход севернее востока, т. е. также на северной части небосвода в отличие от кометы 989 г., наблюдавшейся, по словам Льва Диакона, на западе⁵. Отвергая такую трактовку, О. М. Рапов пишет: «Но с тем же успехом можно предположить, что Лев Диакон уже сообщал ранее о каких-то необычных небесных явлениях, возникавших в северной части неба, но сведения о них по тем или иным причинам выпали из дошедшего до нас текста „Истории“. Ведь мы пользуемся отнюдь не оригиналом хроники. Можно было бы привести и другие не менее логичные, но также необоснованные фактические материалы гипотезы». Это замечание О. М. Рапова вряд ли требует комментария: применяя такую «логику», можно опровергнуть или обосновать любую концепцию.

Далее О. М. Рапов, привлекая данные астрономии, пытается найти подтверждение предположению о том, что это «вновь» Льва Диакона

³ *Leonis Diaconi Caloënsis. Historiae libri decem* / E rec. C. V. Hasii. Bonnae, 1828. X. 10. P. 175. 6—9. (Далее: *Leo Diac.*)

⁴ Черный Э. Греческая грамматика. М., 1888. Ч. II: Синтаксис. § 102а. С. 120. О. М. Рапов подчеркивает, что нами использована грамматика 1888 г. издания. Более подробное пособие по синтаксису, которое бы правила грамматики греческого языка приводило в соответствие с грамматическими нормами языка русского, нам неизвестно. Современные зарубежные издания согласовывают правила греческой грамматики с грамматикой иностранных языков.

⁵ Богданова Н. М. О времени. . . С. 45.

связано с кометой 989 г. Он ссылается на комментарии ученых XX в., составленные к наблюдениям китайцев X в. за движением кометы Галлея в 989 г. Оставим в стороне саму интерпретацию всех этих комментариев О. М. Раповым. Попробуем проследить, что же получится, если принять его трактовку. Итак, «столбы возникли также на севере, как до этого на северном небосклоне появилась комета 989 г. — комета Галлея». Из этого, по О. М. Рапову, следует, что первая из названных в 10-й главе комет была увидена 13 августа 989 г. Кроме того, по мнению моего оппонента, «в данном месте своей „Истории“ хронист полностью соблюдал последовательность в изложении событий первостепенной важности: сражение при Авидосе (12.IV 989) — появление кометы Галлея (август 989) — землетрясение в Константинополе (26.X 989)». Поскольку, как отмечает О. М. Рапов, это первое восхождение кометы с северной стороны (длвившееся 10 дней) нельзя «отрывать» от появления «огненных столбов», то из всех этих указаний оппонента следует, что они показались на небе, а Херсон и Веррия были захвачены в эти самые 10 дней, пока комета не стала появляться на западе, что уже предсказывало землетрясение в столице. Но не слишком ли много событий для 10 дней? Или, быть может, здесь нарушается принцип «полного соблюдения последовательности в изложении событий первостепенной важности»? Или появление «огненных столбов» и взятие городов не относятся к событиям «первостепенной важности»? Тогда их явление придется «оторвать» от кометы... Но прервем этот бесконечный ряд «или» и последуем дальше за «не менее логичными» гипотезами, вытекающими из отстаиваемого О. М. Раповым предположения, что первая из названных в 10-й главе комет — комета Галлея.

Особо подчеркивает мой оппонент, что сообщение Льва Диакона о комете и «огненных столбах» следует сразу же за описанием Авидосского сражения, в котором погиб мятежник Варда Фока. Битва при Авидосе четко датируется с помощью арабских источников 12 апреля 989 г., что якобы «Н. М. Богданова почему-то не замечает». (Однако заметим, что битва при Авидосе состоялась не 12, а 13 апреля 989 г., но это лишь попутно, к вопросу о «буквальном прочтении источника», в данном случае известной работы В. Р. Розена, на которую ссылается О. М. Рапов.)⁶ Что же касается моей «невнимательности», то обратимся к с. 43 рассматриваемой О. М. Раповым статьи, где, в частности, сказано следующее: «О взятии Херсона (Корсуни) тавроскифами (русскими) ... Лев Диакон сообщает в начале 10-й главы книги X, когда, завершив повествование о походе Василия II в Болгарию и о восстании Варды Фоки, он рассказывает о „других тяжких бедствиях“, на которые еще указывала комета 975 г.»⁷ Начало 10-й главы следует не «сразу же за описанием Авидосского сражения», а за рассказом о полном подавлении восстания Варды Фоки⁸, что не одно и то же. Со свойственной мне «буквальностью прочтения источника» обращаю внимание О. М. Рапова на многократно цитируемые слова начала 10-й главы: «И на другие (!) бедствия указывал (или, как предпочитает О. М. Рапов, — предвещал) восход явившейся звезды и показавшиеся вновь на северной стороне в глущую ночь огненные столбы, напугавшие видящих их»⁹. Но раз взятие Херсона и Веррии относится к числу «и других бедствий», значит им предшествовали какие-то иные бедствия, на которые указывали комета и «огненные столбы». Таким образом, из гипотезы моего оппонента следует, что восход кометы 13 августа 989 г. и появление «огненных столбов» (ибо нельзя, по О. М. Рапову, «разрывать» сведения о комете и «столбах») предвещали (учитывая «полную последовательность в из-

⁶ Так как эта дата (12 апреля) упомянута О. М. Раповым дважды, ее нельзя рассматривать как опечатку.

⁷ Богданова Н. М. О времени. . . С. 43.

⁸ Leo Diac. X.9. P. 175.2—5.

⁹ Ibid. 10. P. 175.6—9.

ложении событий первостепенной важности») Авидосское сражение 13 апреля 989 г.! Абсурдность этого положения, которое совершенно логично вытекает из гипотезы О. М. Рапова о том, что в 10-й главе речь идет лишь об одной комете, — абсолютно очевидна!

Все эти умозрительные построения, которые пытается обосновать О. М. Рапов, возникают в значительной мере потому, что он не увидел главного аргумента статьи, доказывающего, что в 10-й главе говорится о разных кометах, а именно: рассмотренный мною (на с. 42—43) принцип изложения событий в изучаемом отрывке «Истории» Льва Диакона: «В 6-й главе X книги своей „Истории“, рассказывая о событиях царствования Иоанна Цимисхия (969—976), Лев Диакон говорит о том, что в августе 975 г. наблюдалась необычное движение кометы, которая, по мнению писателя, предвещала „грозные мятежи, нашествия народов, междоусобицы, опустошения городов и областей, голод, мор, страшные землетрясения и почти совершенную гибель Ромейской державы, как это мы видели из хода событий“. Затем, прервав повествование о деяниях императора Иоанна, четыре следующие главы (с 7-й по 10-ю) Лев Диакон посвящает описанию постигших Византию бедствий со времени смерти Цимисхия до конца 989 г., когда в Константинополе произошло землетрясение, от которого пострадал даже Собор св. Софии. В 11-й главе автор возвращается к рассказу о последних событиях правления Цимисхия, чем и завершается его „История“. Несчастья, выпавшие на долю Ромейской державы в эти годы, Лев Диакон связывал не только с мрачной предвестницей конца царствования Иоанна Цимисхия, но и с другими небесными знамениями, явившимися уже после его смерти. Так, падение звезды во время болгарского похода Василия II в 986 г. предсказывало гибель византийского войска; явление „огненных столбов“ было, по мнению историка, связано с захватом Херсона и Веррии, а за странным движением кометы летом 989 г. последовало землетрясение в Константинополе, голод, мор и т. п.»¹⁰

Подчеркнем, что, по мнению Льва Диакона, комета 975 г. предвещала в сию серию тех бедствий, которые постигли Византию в течение длительного периода в отличие от других небесных явлений, ознаменовавших так сказать «конкретные несчастья». Именно необходимость рассказать о бедствиях, предсказанных кометой 975 г., и заставляет Льва Диакона прервать повествование о царствовании Иоанна Цимисхия и вернуться к нему лишь в 11-й главе. Рассказывая же о неудачах, смутах и прочих несчастьях, автор «Истории» соблюдает последовательность и законченность в изложении событий: именно так, *полностью* завершив повествование о восстании Варды Фоки (а не только об Авидосском сражении), Лев Диакон напоминает читателю, что этим не ограничиваются ознаменованные явлением кометы 975 г. несчастья, и потому так естественно и логично звучит в начале 10-й главы фраза: «И на другие бедствия указывал восход явившейся звезды...» И напрасно О. М. Рапов упрекнул меня в «разрыве» сведений о комете и «столбах»: я «отрываю» «столбы» от кометы 989 г., но никак не от кометы 975 г.: от нее ни одно из других небесных явлений и бедствий рассматриваемого текста «отрывать» никак нельзя.

Теперь еще немного о значении «сверхточного», буквального прочтения источника». Исключительное внимание к грамматике, лексике и принципу изложения автором событий не равнозначно *прямолинейному* пониманию текста, что приписывает мне О. М. Рапов: «Если мы примем предложенное Н. М. Богдановой толкование „звезды“, упомянутой в самом начале 10-й главы, как кометы 975 г., а также выдвинутое ею предположение о том, что эта комета и столбы появились позже взятия Херсона русскими, а Веррии болгарскими, то окажется, что „звезда“, возникшая на небосклоне в начале августа 975 г., а затем и „огненные

¹⁰ Богданова Н. М. О времени. . . С. 42—43.

столбы“ как бы констатировали факт захвата указанных выше городов. Причем все это происходило в правление в Византии Иоанна Цимисхия и в княжение на Руси Ярополка Святославича». Лев Диакон совершенно четко говорит о комете 975 г., что она предвещала «грозные мятежи, нашествия народов, междоусобицы, опустошения городов и областей, голод, мор, страшные землетрясения и почти совершенную гибель Ромейской державы, как это мы видели из хода событий»¹¹. Ведь было бы абсурдным утверждать, что все это случилось тут же и сразу или что землетрясение 989 г. (а о другом Лев Диакон не говорит), непосредственной предвестницей которого была комета Галлея 989 г., случилось в правление Иоанна Цимисхия. То же самое следует сказать и о взятии городов: комета 975 г. указала на самый факт их захвата (так же, как и на землетрясение), а уже явление «столбов» ознаменовало свершившееся их взятие. Словосочетание «свершившийся захват» в самом предложении согласовано *только* с «огненными столбами», а на факт взятия городов указывали и комета 975 г. и «столбы». С другой стороны, нелепо отрицать и все сказанное Львом Диаконом о комете 975 г., в том числе и то, что она — далекая предвестница землетрясения в столице, не менее «далекой» она была и в отношении взятия Херсона и Веррии. Если же подходить к источнику так, что все сказанное о комете 975 г. — выдумки автора или «выпало из дошедшего до нас текста», то тогда следует не толковать слова Льва Диакона, а ставить вопрос об исторической достоверности его сочинения и правомерности использования «Истории» в исследовании.

Относительно еще одного замечания. Действительно, астрономические явления чаще всего рассматривались как предсказывающие те или иные события, примеры чему мы находим в «Истории» Льва Диакона. Но грамматически точное прочтение текста, не доверять которому нет никаких оснований, заставляет еще раз вчитаться в слова Льва Диакона. Одно из толкований этого необычного явления представлено на с. 46 моей статьи, где приводится замечание самого автора «Истории» по поводу случившегося некогда землетрясения: «Я же, следуя божественному Давиду, пожалуй скажу, что подобные смятения происходят с нами от промысла бога, неуспынно взирающего на деяния наши, противные священному его закону, чтобы, напуганные хотя бы этим (явлением), люди удалялись от дурных дел и придерживались похвальных»¹². И в античной литературе — в письме Цицерона — есть сведения о том, что страшное наводнение было воспринято как знамение, связанное с оправданием Габиния¹³. Конечно, землетрясения, наводнения — это не астрономические явления. Но, может быть, «огненные столбы» Льва Диакона — и есть пример того, как небесные знамения, указуя на зло, призывают к его искоренению. Об этом говорилось в моей статье, и более нет смысла повторяться. Вероятно, возможны и иные объяснения этого необычного случая, когда средневековый автор указывает на небесное знамение, которое явилось после взятия городов. Но искать подобное объяснение в признании грамматических ошибок, опусок и неточностей означает дискредитировать «Историю» Льва Диакона, по крайней мере, как источник для определения хронологии событий.

В любом случае, как бы не относиться к точке зрения О. М. Рапова и моей, возникшая полемика свидетельствует о том, что сообщения Льва Диакона о взятии Херсона не могут теперь рассматриваться как безусловно опровергающие хронологию «Повести временных лет», которая датирует захват Корсуня 988 годом. Если, по мнению О. М. Рапова, эти сведения и не подтверждают летописное повествование, то уж во всяком случае они никак не противоречат ему.

¹¹ *Leo Diac.* X. 6. P. 169.7—13.

¹² *Ibid.* IV. 9. P. 68.19—23; 69.1.

¹³ *Цицерон Марк Туллий.* Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. М.; Л., 1949. Т. I. С. 308.

А. С. Пушкин так говорил о значении летописания для русской истории:

«Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу».

И горько сознавать, что сегодня мы вынуждены вновь возродить полемику столетней давности о кометах¹⁴ с горячими защитниками того, чтобы недатированное, вскользь упомянутое сообщение Льва Диакона о взятии Херсона противопоставить ясному, подробному рассказу русской летописи о походе русского князя на Корсунь, ее четкой хронологии, подтвержденной византийскими, восточными и рядом древнерусских источников.

¹⁴ См., например, ответ Н. Левитского А. И. Соболевскому: *Левитский Н.* Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные: По поводу мнения проф. Соболевского. СПб., 1890. С. 175—179; и др.

И. В. КАМИНСКАЯ

ЛАБИНСКИЕ ВАРИАНТЫ ТОРГОВЫХ ДОРОГ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Различные материалы археологических памятников — шелковые ткани, стеклянная посуда, украшения из металла, стекла и полудрагоценных камней — конкретизируют ряд вопросов, связанных с торговлей в эпоху раннего средневековья. Значительная работа в этой области была проделана Т. М. Минаевой, Е. П. Алексеевой, Г. Е. Афанасьевым, А. А. Иерусалимской, В. Б. Ковалевской, В. А. Кузнецовым, Е. И. Лубо-Лесниченко¹. Они рассматривали торговые пути, тесно связанные с важнейшей магистралью древности и средневековья — «Великим шелковым путем», который соединял Византию и Среднюю Азию. О нем писал историк VI в. Менаандр. Описывая византийское посольство во главе с Зимархом, следовавшее из Согды в Константинополь, он сообщал, что «князь аланский предупредил Зимарха, чтобы он не ехал по дороге миндиманов, потому что близ Суани находились в засаде персы. Он советовал римлянам возвратиться домой по дороге, называемой Даринской»².

В. А. Кузнецов первоначально полагал, что Даринская дорога проходила через Клухорский перевал³. Эту точку зрения поддерживает в настоящее время ряд исследователей⁴.

¹ Минаева Т. М. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 117—125; Афанасьев Г. Е. К вопросу об экономических связях раннесредневекового населения Кисловодской котловины Малокарачаевского района // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979. С. 4—13; Иерусалимская А. А. Аланский мир на «шелковом пути» (Мошцевая Балка — историко-культурный комплекс VIII—IX вв.) // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 161—162; Она же. Новые данные к этнической истории Северо-Западного Кавказа // Тезисы докладов VIII Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 1978. С. 93—95; Она же. Археологические ткани как датированный материал // КСИА. 1979. № 158. С. 114—120; Ковалевская В. Б. (Деопик). Классификация и хронология аланских украшений // МИА. 1963. № 114. С. 122—147; Кузнецов В. А. Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С. 37—66; Она же. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984; Она же. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971; Лубо-Лесниченко Е. И. Великий шелковый путь // ВИ. 1985. № 9.

² *Menandri. Fragmenta* // *Historici graeci minores*. Lipsiae. Vol. II. Fr. 21.

³ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. С. 144.

⁴ Афанасьев Г. Е. К вопросу об экономических связях. . . С. 5; Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С. 134; Рунич А. П., Березин Я. Б., Савенко С. Н. Комплекс памятников раннего средневековья в верховьях реки Подкумок // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983. С. 61.